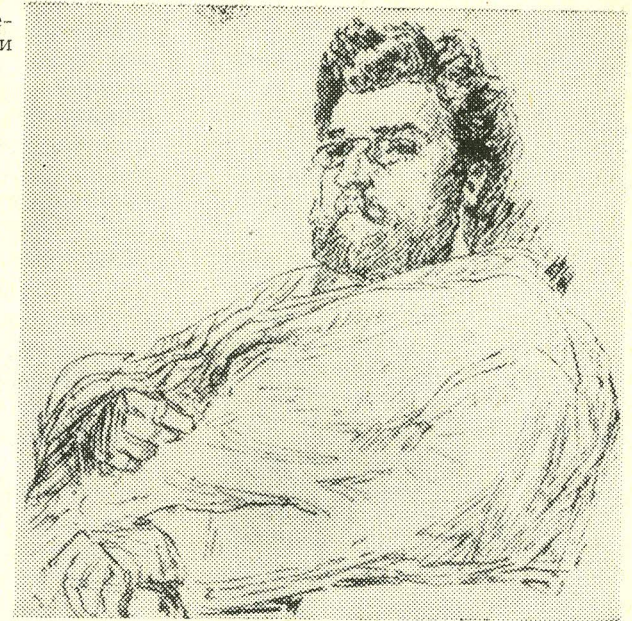

G. Bizet
opéra

Carmen

Ж. Бизе. Рисунок О. Ренуара с репетиции «Кармен».

Из писем Бизе

Было бы чудесно достичь того, чтобы имя твое записали хотя бы на полях золотой книги творчества! Но тише. Если нас услышат, нас не поймут, примут наше честолюбие за манию величия. Будем без шума ждать будущего и скажем себе следующее: что бы ни случилось, мы будем в числе избранных, ибо мы понимаем и любим прекрасное. Я каждый день благодарю бога за то, что он создал меня таким.

Эмилио Диазу 1858

Мой вкус решительно склоняется к театру(...) Еще хорошая новость: до сих пор я плавал между Моцартом и Бетховеном, Россини и Мейербером. Теперь я знаю, чему поклониться. Есть два рода гениев: гений от природы и гений

от разума. При всем моем необъятном восхищении вторым, не скрою от тебя, что первый привлекает все мои симпатии (...) У меня хватает смелости предпочесть Рафаеля Микеланджело, Моцарта Бетховену и Россини Мейрберу(...) Я не помещаю одних во второй разряд, чтобы выдвинуть других в первый, это было бы нелепо; просто тут дело вкуса, один строй мысли оказывает на мою натуру более сильное влияние, чем другой.

Гектору Грюйе 1858

Верди человек большого таланта, но ему не хватает (...) стиля. Зато ему свойственны изумительные взрывы страсти. Правда, его страсть необузданна, но лучше обладать такой страстностью, чем

никакой. Его музыка подчас раздражает, но никогда не наскучивает.

Я хорошо знаю свое дело, очень хорошо инструментую, никогда не впадав в обыденность, и, наконец, я открыл этот Сезам, который столько времени искал. В моей опере найдется дюжину мотивов, настоящих, ритмичных и легко запоминаемых, однако же я не сделал ни одной уступки против моего вкуса.

Если бы меня слышали посторонние, они сочли меня бы сумасшедшим, но вы знаете, что я совсем не дурак, и поймете, что я хочу сказать. Я отдаю себе отчет в том, что делаю, в том, что стою, и, когда я скажу: «Я достиг», многие будут /одного со мною мнения(...)

Нет, не плакать нужно, а побеждать! ... Не знаю, откуда эти строки, но они — мой девиз.

Эме Бизе 1859

Глупость будет всегда иметь своих многочисленных поклонников; в конце концов, я на это не жалею и уверяю вас, мне будет большой отрадой, если меня оценят лишь чистые умы. Я не придаю особого значения той популярности, ради которой в наши дни приносят в жертву честь, дарование и счастье.

Антуану Мармонтелю 1860

В середине XIX века, когда так называемое цивилизационное общество терпит и даже одобряет глупые и бесполезные чудовищности, отвратительные убийства*, которые совершаются на наших глазах и в которых наша прекрасная

* Шла война между Австрией и Пруссией.

Франция, конечно, скоро примет участие, честные и интеллигентные люди должны объединиться, договориться, любить, просвещать друг друга и сожалеть о том, что из каждой тысячи 999 — идиоты, плуты, банкиры, несносные болтуны, отягачивающие нашу бедную землю.

Эдмону Галаберу 1866

Я — эклектик. Я прожил три года в Италии и приспособился если не к постыдным музыкальным обычаям этой страны, то во всяком случае, к темпераменту некоторых из его композиторов. Кроме того, моя чувственная натура поддается прелести этой музыки, легкой, ленивой, любовной, сладостно-томной и страстной одновременно.

Полю Лакомбу 1867

Школа приятных мотивчиков, рулад, всяческой фальши умерла, умерла окончательно. Похороним же ее без слов, без сожалений, без лишних переживаний, и ... вперед!

Иоганнесу Веберу 1867

(...)буду в восторге изменить стиль комической оперы. — Смерть «Белой даме»!

Эдмону Галаберу 1869

Само собой разумеется, если бы я заметил, что подражаю Вагнеру, при всем моем восхищении им я не написал бы больше за всю мою жизнь ни одной ноты(...). Да к тому же, чем лучше образец, тем смешнее подражание. Подражали Микеланджело, Шекспиру, Бетховену! Один бог знает, сколькими ужасами мы обязаны этой страсти подражать.

Леони Галеви 1871

В искусстве (в музыке, живописи и особенно в скульптуре), так же как в литературе, успех создает талант, а не идея. Публика(...) поймет идею лишь гораздо позже. Для того чтобы это «позже» наступило, нужно, чтобы талант художника привлек публику, облегчив ей понимание приятной формой, а не оттолкнув ее с первого раза.

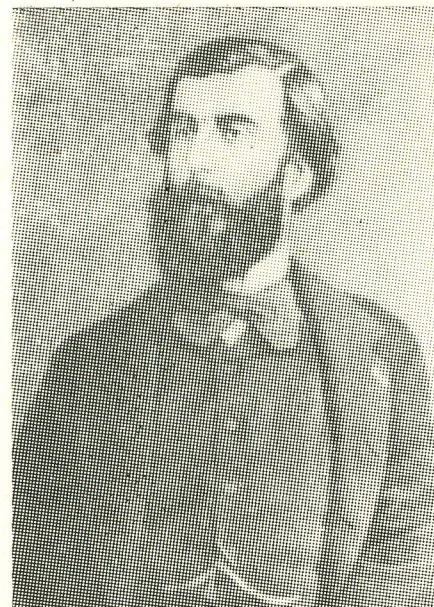
А потому Обера, у которого было так много таланта и так мало идей, почти всегда понимали, в то время как Берлиоза, гениального, при полном отсутствии таланта, не понимали почти никогда! Никогда книга, даже самая замечательная по своим идеям, не будет воспринята, если она плохо написана, а какой-нибудь пустяк, ерунду будут превозносить до небес, если это выражено в ясной, прозрачной форме.

Леони Галеви 1871

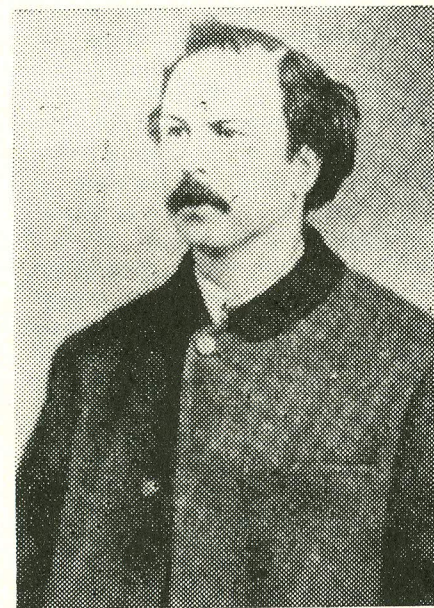
Десять лет тому назад я верил в свет, я его посещал и, признаюсь, даже простодушно в нем развлекался. Я сейчас не мизантроп, я просто равнодушен. Я не ненавижу, я презираю. В сущности, и таким, как есть, я себя неплохо чувствую. Путь, избранный мною, долог, но я знаю, куда он меня ведет. Тот, кто, кажется, совсем у цели, никогда ее не достигнет, я же, если нормальная жизнь возобновится, быстро добиваюсь своего. И к тому же я включаю себя в число тех двадцати или тридцати человек, которых я в этом мире уважаю. А это уже кое-что!

Леони Галеви 1871

Ж. Бизе. Письма.
Музгиз. Москва 1963

Лудовик Галеви

Анри Мейльяк

Акварель неизвестного художника.
1830

Умер Мериме почти что в полном одиночестве в Каннах...

В 1829 году Мериме открыл для себя жанр, наиболее соответствующий его дарованию — новеллу. Одна за другой появляются... «Матео Фальконе», «Таманго», «Федерико», «Этруская ваза», «Партия в триктрак», «Коломба» и, наконец, в 1845 году «Кармен»...

«Кармен», написанная, по словам самого Мериме, на основе рассказов графини Монтихо, относится к наиболее зрелому периоду творчества писателя. Он приступил к этой работе основательно познакомившись с природой Пиринейского полуострова и людьми, его населяющими. «Кармен» дает прекрасное представление о своеобразии творчества и стиля Мериме, при чтении ее становится понятно, почему Мериме с одинаковым успехом причисляли и к романтикам, и к реалистам. С одной стороны экзотика, сильные характеры, дикие страсти, разбойники, контрабандисты, цыгане, колдовство и суеверие... с другой — спокойное деловитое описание, порой бесстрастное, словно записи ученого...

Из послесловия Оття Оямаа к новелле «Кармен», «Эсти Раамат», Таллин, 1974.

Эпиграф к новелле Мериме «Кармен» — из сочинении позднегреческого поэта V в. н. э. Паллада Александрийского, гласит:

Всякая женщина — зло; но
дважды бывает хорошей:
Или на ложе любви, или на
смертном одре.

ПРОСПЕР МЕРИМЕ О КАРМЕН...

То была странная и дикая красота, лицо, которое на первый взгляд удивило, но которое нельзя было забыть. В особенности у ее глаз было какое-то чувственное и в то же время жестокое выражение, какого я не встречал ни в одном человеческом взгляде. Цыганский глаз — волчий глаз, говорит испанская поговорка, и это — верное замечание. Если вам некогда ходить в зоологический сад, чтобы изучать взгляд волка, посмотрите на вашу кошку, когда она подстерегает воробья.

... И О ЦЫГАНАХ

Испания принадлежит к тем странам, где наши дни особенно часто встречаются эти рассеянные по всей Европе кочевники... Большинство обитает, или, вернее, ведет бродячую жизнь, в южных и восточных провинциях, в Андалусии, в Эстремадуре — в королевстве Мурсии; много их в Каталонии. Отсюда они нередко заходят во Францию. Их можно видеть на всех наших южных ярмарках. Мужчины обыкновенно промышленяют барышничеством, коновальством, стрижкой мулов; занимаются также починкой медной посуды и инструментов, не говоря уже о контрабанде и других недозволенных промыслах. Женщины гадают, попрошайничают и торгуют

всякого рода снадобьями, иногда безвредными, а иногда и нет.

Физические особенности цыган легче заметить, нежели описать, и если видеть одного, то среди тысячи людей узнаешь представителей этой расы. Физиономия, выражение — вот что главным образом отличает их от других народов, населяющих ту же страну. Цвет кожи у них очень смуглый, всегда более темный, чем у народностей, меж которых они живут. Отсюда имя калес, черные, которым они нередко себя обозначают. Глаза их, явно раскосые, с красивым вырезом, очень черные, осенены длинными и густыми ресницами. Взгляд их можно сравнить лишь взглядом хищного зверя. В нем соединяются отвага и робость, и в этом отношении глаза их довольно верно отражают характер этой нации, хитрой, смелой, но «от природы боящейся побоев», как Панург... Среди испанских хитан красота — большая редкость... Они, как все испанки, привередливы в выборе возлюбленных. Им нужно понравиться, их нужно заслужить... Несомненно то, что по отношению к своим мужьям хитан проявляют необычайное самодержавие. Нет такой опасности и таких лишений, на которые они не пошли, чтобы помочь им в нужде. В общем, можно сказать, что главное их достоинство — это патриотизм, если можно назвать патриотизмом верность, которую они соблюдают по отношению к своим единоплеменникам, их готовность помочь друг другу, нерушимость тайны, которой они связаны в компрометирующих делах.

П. Мериме — Новеллы. «Художественная литература», Москва, 1968

ПРОСПЕР МЕРИМЕ, известный всему миру мастер слова, наряду с Бальзаком и Стендалем достойно представляющий основное направление французской реалистической литературы 30—40-х годов прошлого века.

Проспер Мериме (28. IX 1803 — 23. IX 1870) родился в Париже. Он прекрасно рисовал, в зрелом возрасте работал инспектором по охране памятников старины, если воспользоваться сегодняшней терминологией. Должность позволяла ему много ездить, помимо путевых заметок его перу принадлежит много прекрасных новелл, навеянных услышанными в дороге историями и легендами (в том числе и «Кармен»). В 1844 г. Проспера Мериме избирают во Французскую Академию... В период второй империи он тесно связан с двором, так как мать императрицы Евгении, испанская графиня Монтихо, была его давней приятельницей.

Г. Дорэ — «Дети играют в корриду» и
«Лачуги цыган в Гренаде». 1878

